

Повести и рассказы П. Каменского

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 -- январь 1840.

Ред. Н. К. Гей. Подготовка текста В. Э. Бограда. Статья и примеч. В. Г. Березиной.

М., "Художественная литература", 1977.

[OCR Бычков М. Н.](#)

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ П. КАМЕНСКОГО. Санкт-Петербург, 1838. В типографии III отд. собств. е. и. в. канцелярии. Две части: I -- 266; II -- 248. (16).

Имя г. Каменского совершенно новое в нашей литературе, и, несмотря на то, оно уже пользуется громкою известностию между петербургскою пишущею братиею. Его повестями украшаются петербургские журналы и альманахи; его повести восхваляются почти во всех тамошних журналах¹. Что за причина такой внезапной и быстрой славы? -- уж, конечно, талант г. Каменского.

Может быть, г. Каменский и в самом деле пишет очень хорошо; может быть, он и в самом деле второй Марлинский, если нам мало было одного; может быть, его повести и в самом деле прекрасны: все это может быть; но мы хотим говорить не о том, как может быть, а о том, как нам кажется. Признаемся откровенно, что касается собственно до нас, то нам "Повести и рассказы" г. Каменского очень не нравятся. Мы не хотим этим сказать, чтобы они были дурны, -- нет, сохрани нас бог от такого решительного приговора, вопреки мнению стольких знатоков и судей изящного! -- Но они нам кажутся очень утомительными, чтоб не сказать -- скучными. Может быть, в этом виновата наша субъективность? - Да чего не может быть! Как бы то ни было, но, решась, по долгу добросовестного рецензента, прочесть во чтобы то ни стало "Повести и рассказы" г. Каменского, мы признали себя решительно побежденными на половине занимательной повести "Письма Энского", которая стоит предпоследнею статьей) в первой части². За вторую мы и не принимались. Впрочем, она нам не совсем незнакома: на конце ее мы с ужасом увидели повесть "Конец мира"³, от которой уже однажды мы чуть было не отчаялись в конце своей жизни и от которой навеки заснул грозный Султан-Публик-Багадур⁴. Признаемся: было от чего заснуть сном непробудным!

Истинные поэты потому живописуют нравы и обычаи страны, избранной ими театром своего романа или повести, что без этого их лица были бы призраками, а не действительными, живыми созданиями. Для них нравы и обычаи -- дело второстепенное, постороннее, о котором они несколько не заботятся, но которое у них само собою, как бы без их ведома, формируется и осуществляется. У мнимых поэтов, напротив, вся сущность -- в изображении местности, нравов и обычаев страны, а характеры, завязка и развязка -- дело второстепенное и постороннее. Эта несчастная завязка и развязка у них не больше, как рамка, в которую можно вставить какую угодно картину. Кавказ интересует всех и дикою красотою своей первобытной природы и дикими нравами своих обитателей; и вот стали являться беспрестанные описания этой страны, по большей части в форме повестей. Тут обыкновенно описывается горский князь, молодой и прекрасный, с дикими страстями и сильною душою, который или страшно мстит врагу, или зарезывает родного отца, чтобы поскорее прибрать к рукам его владение. Если дело идет о Кавказе, то никогда не ищите в повести ничего тихого, веселого или забавного: повесть обыкновенно начинается громкими фразами, а оканчивается резнёю, предательством, отцеубийством. Конечно, все это бывает в жизни, и на Кавказе больше, нежели где-нибудь; но ведь это только *одна* сторона жизни горцев: зачем же *отвлекать* только одну ее? Оно, конечно, эффектно, но одно да одно -- воля ваша -- наскучает.

Г-н Каменский до того увлекается описательною стороною поэзии, что его "Повести и рассказы" могут заменить не только статистику и топографию Кавказа, но и словари грузинского, черкесского и турецкого языков:⁵ "*Мой дениз* или *дорья* тянулась, вилась... Он шел и не сводил взора с моего *панджари*". В примечаниях, которых к повести на 73 страничках ровно 61, в примечаниях вы узнаете, что *дениз* значит *море*, а *панджари* -- *окошко*. Не все ли это равно, что в повести, сцена которой во Франции, героиню заставить говорить так: "*Моя мер* тянулась, вилась; я сидела у моего *фенетра*", а потом, в